

Пушкин и Беранже:

к источникам фабулы «Графа Нулина»

Наталья Мазур

Москва

Dans notre siècle une femme
A plus de force d'esprit.
Guérineau de Saint-Pérvy,
“*Lucrece et Tarquin*”

В конце 1820-х годов Пушкин написал краткую заметку о «Графе Нулине», где с неожиданной предупредительностью сообщил историю замысла этой поэмы: «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая „Лукрецию“, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те. Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде. Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть. Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писан <?> 13 и 14 декабря. — Бывают странные сближения» (XI, 188).¹

Этот текст определил главные направления в исследовании пушкинской поэмы. Ее связь с Шекспиром и римской историей, пушкинское понимание пародии, наконец, возможные аллюзии на события 14 декабря — заняли основное внимание ученых, которые в основном поддержали мнение Б.М.Эйхенбаума о полной искренности и

серьезности авторского высказывания, обусловленных тем, что в этом тексте Пушкин «увлекся комментированием своего замысла и вышел за пределы возможного и нужного для печати. Заметка эта тем более должна привлекать внимание и внушать к себе полное доверие». ² Оспаривать важность пушкинского автокомментария невозможно, но испытывать к нему «полное доверие», на наш взгляд, было бы большой неосторожностью. Прагматика заметки неизвестна, степень авторского искренности или лукавства до сих пор не оценена, а значит, мы вправе сомневаться в том, что Пушкин заботливо перечислил все без исключения объекты своей пародии и/или образцы для подражания. ³

В длинном списке модных аксессуаров и интеллектуальных новинок, которые граф Нулин везет в Россию «из чужих краев», упомянута и «последняя песня» Беранже:

Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour,
С ужасной книжкой Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bon-mots парижского двора,
С последней песней Беранжера, ⁴
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera. (V, 6—7)

В 1825 году слава французского поэта-песенника достигла апогея, ⁵ и его соседство с «чародеем» Вальтером Скоттом, ⁶ шумно знаменитым историком Гизо и популярнейшими композиторами Россини и Пером (Паэром), казалось бы, не нуждается в дополнительных пояснениях. ⁷ Известно, однако, что малозначащие, на первый взгляд, приметы времени у Пушкина нередко оказываются ключами к неочевидным подтекстам. Так и это беглое упоминание, возможно, указывает на вполне определенный текст, в котором автор мог найти

один из фабульных ходов своей поэмы, а его герой — руководство к действию. Мы имеем в виду песню Беранже «Двойная охота» — „La Double Chasse“:⁸

Allons, chasseur, vite en campagne;
du cor n'entends-tu pas le son?
Tonton, tonton, tontaine, tonton.
Pars, et qu' auprès de ta compagne
l'amour chasse dans ta maison.
Tonton, tontaine, tonton.

Avec nombreuse compagnie,
chasseur, tu parcours le canton.
Tonton, tonton, tontaine, tonton.
Auprès de ta femme jolie
combien de braconniers voit-on!
Tonton, tontaine, tonton.

Du cerf prêt à forcer l'enceinte,
chasseur, tu fais le fanfaron.
Tonton, tonton, tontaine, tonton.
Auprès de ta femme, sans crainte,
se glisse un chasseur franc luron.
Tonton, tontaine, tonton.

Chasseur, par ta meute surprise,
la bête pleure; on lui répond:
tonton, tonton, tontaine, tonton.
Ta femme, aux abois déjà mise,
sourit aux efforts du fripon.
Tonton, tontaine, tonton.

Chasseur, un seul coup de ton arme
met bas le cerf sur le gazon.
Tonton, tonton, tontaine, tonton.
L'amant, pour ta moitié qu'il charme,
use de la poudre à foison.
Tonton, tontaine, tonton.

Chasseur, tu rapportes la bête,
et de ton cor enfles le son.
Tonton, tonton, tontaine, tonton.
L'amant quitte alors sa conquête,
et le cerf entre à la maison.
Tonton, tontaine, tonton.

[= Вперед, охотник, скорее в поле, Разве ты не слышишь звука рогов? Тонтон, тонтон, тонтэн, тонтон. Поезжай, и пусть вокруг твоей жены Любовь охотится в твоём доме. Тонтон, тонтэн, тонтон. С многочисленными спутниками, Охотник, ты объезжаешь кантон, Тонтон, тонтон, тонтэн, тонтон, А вокруг твоей хорошенькой жены Сколько собралось браконьеров! Тонтон, тонтэн, тонтон. Ты смело выступаешь на оленя, Готового перескочить через изгородь, Тонтон, тонтон, тонтэн, тонтон, А к твоей жене, без страха, Прокрадывается бойкий повеса. Тонтон, тонтэн, тонтон. Охотник! захваченный врасплох твоей сворой, Зверь стонет, а ему отвечают: Тонтон, тонтон, тонтэн, тонтон. А меж тем твоя загнанная в угол жена Улыбается стараниям плута. Тонтон, тонтэн, тонтон. Охотник, единым выстрелом твоего оружия Ты укладываешь оленя наземь. Тонтон, тонтон, тонтэн, тонтон. Любовник, чтобы очаровать твою половину, Не жалеет пороха. Тонтон, тонтэн, тонтон. Охотник, ты несешь обратно зверя, И возвышаешь

звук рога. Тонтон, тонтон, тонтэн, тонтон. Тогда любовник оставляет свою добычу И олень вступает в дом. Тонтон, тонтэн, тонтон].

Опираясь на распространенную метафорическую аналогию *любовь* = *охота*,⁹ Беранже разворачивает две параллельные сюжетные линии, в кульминационных точках зеркально повторяющие друг друга: начало охоты (отъезд мужа на охоту / появление браконьера-Амура в доме); выбор жертвы и приближение к ней; чувства жертвы (плач / улыбка); подготовка к выстрелу (самодовольное бахвальство мужа / вкрадчивость любовника); решающий выстрел; триумфальное возвращение к первоначальной позиции (муж несет рогатую добычу домой / увенчавший его рогами любовник покидает дом). Сюжетное раздвоение дублируется на лексическом уровне: охотничья и в особенности стрелковая терминология во французском языке активно используется в качестве эротических эвфемизмов (*arme* (= *arbalète*, *arc*, *lance*), *tirer un coup* и т.д.).¹⁰

Нарративная структура пушкинской поэмы, разумеется, намного сложнее, чем схематизированный сюжет песни,¹¹ но общие мотивы вычлениаются в них без труда. В «Двойной охоте» весь текст пронизывает игра слов *cor* (охотничий рог) и *corne* (рог животного), с пониманием идиомы *avoir, porter des cornes* — иметь, носить рога, т.е. быть обманутым женой. «Граф Нулин» начинается со звука охотничьих рогов, которые, как и у Беранже, побуждают охотников к действию и, тем самым, инициируют развитие сюжета: ср. «Пора, пора! рога трубят...» (V, 3) — «Allons, chasseur, vite en campagne; du cor n'entends-tu pas le son?»;¹² кроме того, муж Натальи Павловны носит «рог на бронзовой цепочке» (V, 3; еще выразительнее черновой вариант: «рог заветный на цепочке» — V, 165). Исходная диспозиция любовной интриги в поэме также совпадает с песней: граф появляется в доме после отъезда хозяина на охоту. В обоих текстах в характере мужа доминирует самодовольство («Его довольное лицо Приятной важностью сияет» (V, 3) — «chasseur, tu fais le fanfaron»; «...de ton cor enfles le son») и непроницательность, а в характере претендента — любезная бойкость, находящая благосклонный прием у хозяйки дома («Хозяйки взор То выражается приветно»; «Проказ-

ница <...> Тихонько графу руку жмет» (V, 8) — «*Ta femme <...> sourit aux efforts du fripon*»). Развернутый мотив охоты используется и в описании путешествия графа в спальню Натальи Павловны:

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полужамурясь, подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап. (V, 10).

При первом появлении граф Нулин сравнивается с «чудным зверем» (V, 6), а в конце поэмы взбешенный муж грозит ему охотничьей расправой: «Он говорил, что <...> графа он визжать заставит, Что псами он его затравит» (V, 13; ср.: «*Chasseur, par ta meute surprise, la bête pleure...*»).

В кульминационный момент фабулы двух текстов расходятся: в отличие от кота и «*franc luron*» Беранже, граф, пренебрегая длительной подготовкой, решает сделать свой выстрел сразу и терпит неудачу. Однако параллелизм любовной и охотничьей линий при этом не нарушается: фиаско Нулина сопоставимо со скудной добычей мужа, который возвращается домой не с рогатым зверем, а с зайцем, добытым почти у самого дома («там у огорода Мы затравили русака» — V, 12). И хотя развязка коллизии граф—Наталья Павловна—муж, казалось бы, решительно противоположна результатам «Двойной охоты», смех помещика Лидина в финале пушкинской поэмы заставляет думать, что рога в ее зачине трубили не напрасно.¹³

Пушкин вспоминал Беранже за несколько месяцев до создания «Графа Нулина». В начале июля 1825 года он писал Вяземскому из Михайловского: «Какую песню из *Veanger* перевел дядя В<асилий> Л<ьвович>? уж не *le bon Dieu* ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в П<етер> Б<урге>, и что готовится уже следственная комиссия <...>. Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если не чрезвычайная известность (*extrême popularité*) его

Опасного соседа. Опасаются шума! — Как жаль, что умер А<лексей> М<ихайлович>! и что не видал я дядиной травли! Но Дмитриев жив, все еще не потеряно!» (XIII, 185—186).

Это письмо связано с «Графом Нулиным» сразу несколькими нитями. Так, в тексте поэмы отразилась одна из самых известных литературных шуток И.И.Дмитриева над В.Л.Пушкиным: перечень парижских новинок из нулинского «багажа» восходит к стихотворению Дмитриева «Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия». N.N., в котором все без труда угадывали Василия Львовича, вез на родину свои «приобретенья» — плоды европейской моды и образованности:

В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Virгилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм,
Журналы Аддисона, Стиля
И все Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум!¹⁴

Любовно подшучивая над дядюшкой, Пушкин следовал примеру Дмитриева и своих сотоварищей по «Арзамасскому обществу безвестных людей»: если бы шуточки из письма племянника дошли до Василия Львовича, тот был бы, вероятно, раздосадован и польщен одновременно, без труда разгадав в них отсылки к биографии горячо любимого им французского поэта — после выхода в свет второго собрания песен (1821) Беранже предстал перед судом по обвинению в преступлениях против морали, нравственности и престола и был осужден на трехмесячное тюремное заключение, обернувшееся его триумфом: к заключенному потоком шли знаменитые визитеры, его осыпали подарками и стихотворными посланиями, и из тюрьмы он вышел *народным* поэтом, — звание, которое Пушкин присваивает Василию Львовичу за его комическую новеллу «Опасный сосед».

Симптоматично и упоминание в июльском письме «дядиной травы»: намек на известные околотературные обстоятельства (проказы и насмешки московского острошлова А.М. Пушкина, не щадившего своего простодушного родственника) предвосхищает «охотничьи» мотивы «Графа Нулина» и напрямую увязывает их с «Опасным соседом» (важным для пушкинской поэмы и как жанровый прецедент) — у дядюшки неудачливый герой-любовник едва уносит ноги от стаи разъяренных псов: «Перескочив, бежал, и сам куда не зная. Косматых Церберов ужаснейшая стая, Исчадь адово, вдруг стала предо мной, И всюду раздался псов алчных лай и вой»;¹⁵ у племянника — от комнатной собачки: «Но шпиц косматый, вдруг залая, Прервал Парашаи крепкой сон. Услышав граф ее походку <...> В постыдный обратился бег» (V, 11).¹⁶

Наше предположение о беранжеровском подтексте в «Графе Нулине» не противоречит пушкинскому автокомментарю: французская песенка могла подсказать фабульный ход, но не сюжет из римской истории. Однако если мы поддадимся «двойному искушению» и сопоставим тексты Беранже, Шекспира и Пушкина в рамках мотивного комплекса «двойной охоты», между ними обнаружатся определенные корреляции.

В шекспировской «Лукреции» (в том числе и в ее французской версии¹⁷) мы увидим множество «охотничьих» метафор, сосредоточенных именно в той «ночной» части поэмы, к которой больше всего отсылок в «Графе Нулине», — от прощания Тарквиния с Лукрецией после ужина до его ухода из ее спальни на заре.¹⁸ Сравнение с котом, центральное для описания ночных приключений Нулина, как известно, прямо восходит к поэме Шекспира,¹⁹ однако если у Пушкина это сравнение — единственное (и отчетливо маркированное — ср. черновое: «...сравнений под рукой У нас довольно — но сравнений Не любит мой степенный гений, Живей без них рассказ простой» — V, 170), то у Шекспира оно входит в длинный и однообразный ряд ему подобных (возможно, это монотонное изобилие и вызвало ироническое замечание Пушкина). Автор «Лукреции» сравнивает свою героиню с неопытной птичкой, которую никогда не

ловили на клей (I, 72), с голубкой, которую вот-вот схватит сова (I, 83), с раненой птицей, которая трепещет, умирая (I, 87), с робкой птицей, внимающей крику сокола (I, 89), с ланью, попавшей в смертоносные когти (I, 90), с ягненком, задушенным волком (I, 96, 98); Тарквиний уподобляется свирепому льву, который играет со своей жертвой (I, 85—86), соколу, кружащему над птичкой (I, 89), гончей или соколу, что пресытившись, теряют след (I, 97), волку, задушившему ягненка и покидающему место охоты (I, 96, 98), и, наконец, коту („Cependant tel qu'un chat, rôdeur de nuit, Tarquin ne fait que jouer avec la faible souris qui reste tremblante entre ses griffes“ — I, 91; [Меж тем, как ночной бродяга-кот, Тарквиний пока лишь играет со слабой мышкой, что дрожит в его когтях]). Есть у Шекспира и «стрелковая» метафора — взывая к чести Тарквиния, Лукреция говорит ему: „Ce n'est pas un archer loyal, celui qui tend son arc pour frapper une jeune biche“ (I, 92 [Верный лучник не станет натягивать свой лук, чтобы поразить молодую лань]).

Сопоставление и противопоставление любви и охоты есть и в первой поэме Шекспира «Венера и Адонис» (в собрании 1821 года она непосредственно предшествует «Лукреции»): здесь эта аналогия выполняет сюжетобразующую функцию и одновременно служит основой для множества сложных метафор и сравнений. Две трети поэмы занимает спор Венеры и Адониса о любви и охоте: богиня речами и ласками убеждает юношу предпочесть первую второй, а молодой упрямец остается глух к ее словам и пытается вырваться из ее объятий. При этом Адонис сравнивается с пойманной дикой птицей (I, 14, 35), с загнанной косулей (I, 35) и с оленем (I, 39), а Венера — с орлом, пожирающим свою добычу (I, 13). Интересно, что характерный для барочного искусства прием удвоения рождает образ своего рода 'двойной охоты' — эхо вторит лаю собак и кажется, что в небесах идет еще одна охота — „l'écho répond comme si une autre chasse avait lieu dans les airs“ (I, 41).

Аналогия между любовным преследованием и охотой играет важную роль еще в одном раннем тексте Шекспира — трагедии «Тит Андроник». ²⁰ Одна из сюжетных линий этой пьесы списана с истории Лукреции: добродетельная красавица Лавиния, дочь Тита Андроника,

изнасилована сыновьями царицы Таморы, жены порочного императора Сатурнина; Тит Андроник, узнав о горе дочери, закалывает ее, чтобы спасти от позора; ее смерть становится одним из поводов к свержению императора. Ориентация на предшествующий сюжет обнажена: Лавиния несколько раз прямо сравнивается с Лукрецией (VI, 402, 445), а император — с Тарквинием (VI, 444). Для нас особенно интересен второй акт трагедии — его вторая сцена, как и «Граф Нулин», начинается с описания утренних приготовлений к охоте: „*Titus Andronicus*: La chasse est en train: le matinée est brillante et gaie <...>; découplons ici la meute, et faisons-lui faire un chorus d'abois qui réveille l'empereur et son aimable épouse <...>; joignons-y un éclat de cors si perçant, que toute la cour en retentisse. <...>. *Fanfares des cors*». (VI, 403—404 [*Тит Андроник*: Охота готова: ясное, веселое утро <...>; распустите свору; пусть собаки залают, как будто бы они затравили зверя, и разбудят императора и его прелестную супругу <...>; добавим к этому пронзительный звук рогов, чтобы отозвался весь двор <...>. *Звук охотничьих рогов*]). Затем охота раздваивается: император со своей свитой и Тит Андроник за сценой гонят зверя, а на сцене сыновья царицы отправляются на охоту за Лавинией: „*Démétrius à son frere*: Chiron, nous ne chassons pas, nous, avec des chevaux ni des chiens, mais nous espérons terrasser une jolie biche“ (VI, 405 [*Деметрий своему брату*: Хирон, мы не будем охотиться ни на лошадях, ни с гончими, но мы надеемся завалить славную лань]; ср. также: VI, 402). Это раздвоение подхвачено метафорой ‘двойной охоты’, которая появляется в третьей сцене второго акта — той самой, где Лавиния попадает в руки злодеев: „...tandis que l'écho babillard se fait un jeu d'égarer les chiens, en répondant de sa voix grêle aux sons éclatans des cors, comme si l'on entendoit à la fois les clameurs d'une double chasse...“ (VI, 406 [...меж тем как болтливое эхо забавляется, обманывая собак, и отвечает тонким голосом на громкие звуки рогов, как будто бы одновременно мы слышали звуки двойной охоты]; в оригинале: «double hunt»).

Точное совпадение формулы „double chasse“ у Шекспира и Беранже (при контекстуально обусловленном семантическом различии) недвусмысленно указывает на полиреферентность всего пласта

«охотничьих» мотивов в «Графе Нулине». У Шекспира эти мотивы играют ассистирующую роль, оставаясь главным образом на уровне тропов, аккомпанирующих развитию основного сюжета; у Беранже, напротив, именно они составляют основу всей нарративной конструкции. При травестировании сюжета Лукреции в пушкинском тексте использован фабульный ход, заимствованный у Беранже, однако один из ключевых «охотничьих» тропов — развернутое сравнение с котом — восходит непосредственно к Шекспиру. Между тем, это сравнение — единственная эксплицитная манифестация охотничьей ипостаси Нулина,²¹ то есть без него фабульная структура «двойной охоты» в пушкинской поэме была бы неполной.

Сноски

¹Здесь и далее тексты Пушкина цитируются по изд.: А.С.Пушкин. *Полное собрание сочинений в 17 тт.* (Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1959). Римская цифра в описании обозначает номер тома, арабская — страницы.

²Б.М.Эйхенбаум, «О замысле „Графа Нулина“», в его кн.: *О поэзии* (Ленинград: «Советский писатель», 1969), стр. 170.

³Отметим в этой связи, что в последние годы предпринимались попытки скорректировать «шекспировскую» версию: в частности, предлагались источники анекдотической интерпретации сюжета о Лукреции — «Гептамерон» Маргариты Наварской (А.А.Белый, 1995) и «Опыты» Монтеня (Е.Курганов, 2005). Поиски в этом направлении, безусловно, можно с успехом продолжить: за две с лишним тысячи лет бытования история Лукреции стала предметом великого множества литературных, живописных и музыкальных сочинений (в том числе и пародийных), многие из которых, несомненно, были известны Пушкину. Различным трактовкам образа Лукреции посвящены две специальных работы: Н.Galinsky. *Der Lukretia-Stoff in der Weltliteratur* (Breslau: Priebatsch, 1932); I.Donaldson. *The Rapes of Lucretia. A Myth and its Transformations* (Oxford, Clarendon Press, 1982).

⁴Варианты черновика: «С последним томом <?> Беранжера», «С новейшей песней Беранжера», «С новейшей песнью Беранжера» (V, 168). Граф Нулин, действительно, мог взять с собой последний том Беранже в качестве новинки, поскольку в марте 1825 года вышло издание: Béranger. *Chansons nouvelles* (Paris: Baudouin frères, [1825]).

⁵См.: J.Touchard. *La gloire de Beranger* (Paris: Armand Colin, 1968). Т. 1, р. 399–411. Историю отношения Пушкина к творчеству Беранже и библиографию вопроса см. в статье Б.В. Томашевского и Л.И. Вольперт «Беранже»

в кн.: *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. XVIII–XIX. *Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии»* (Москва: Наука, 2004).

⁶О славе Вальтера Скотта в эту эпоху см. увлекательнейшее исследование А.А.Долинина *История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели* (Москва: Книга, 1988).

⁷Специальное внимание на эту деталь обратил только Б.М.Гаспаров, который предположил в ней намек на ультра-либеральную песню „Le bon Dieu“ («Добрый Бог»), упомянутую Пушкиным в письме к Вяземскому летом 1825 года (об этом письме см. ниже). Исследователь считает, что «богохульный» характер этой песни усиливает инфермальную составляющую в образе графа Нулина. — Б.М.Гаспаров. *Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка* (Wien, 1992) (*Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 27*), стр. 258–259. Значимость еще одного фигуранта этого списка продемонстрировала Антония Глассэ, указавшая на оперу Россини «Турок в Италии» как на еще один вероятный подтекст пушкинской поэмы. См.: А.Глассэ, «Граф Нулин», в кн.: А.С.Пушкин. *Граф Нулин*. [На рус. и англ. яз.]. Пер. В.Ардта. (Псков: Псковская областная типография, 2004), стр. 96—131.

⁸Впервые: *Chansons morales et autres par M. P.-J. de Béranger, convive du Caveau moderne* (Paris: Eumery, 1815). Вошла также в: *Chansons* (Paris: [Firmin-Didot], 1821). Авторская реплика этой песни под заглавием „Chasse“ появилась в *Chansons nouvelles* (1825): в новой «Охоте», написанной во время трехмесячного тюремного заключения в 1821 году, Беранже благодарит стрелков, которые прислали ему в подарок корзину дичи.

⁹О традиции изображения Амура вооруженным луком и стрелами см., в частности: <Д.Ю.Озерков,> «Воспитание Амура», *Французская гравюра галантного столетия в собрании Эрмитажа. Каталог выставки* (С-Петербург: Славия, 2006), стр. 24–29.

¹⁰См.: Alfred Delvau. *Dictionnaire érotique moderne* (Paris: La Bibliothèque Privée, 1995), p. 126, 233, 353–354. См. также: Girard de Propiac. *Dictionnaire de l'amour* (Paris: Chaumerot, 1807) (переиздания — 1808, 1825, 1827, 1835) и т.д.

¹¹Однако с точки зрения жанра дистанция между двумя текстами не так уж велика: «Двойная охота» принадлежит к числу не слишком частых у Беранже песен с новеллистическим сюжетом; а Пушкин сам называл свою поэму «сказкой» (conte) или «повестью в стихах», то есть возводил ее к жанровому источнику Беранже.

¹²Сходство двух зачинов, судя по всему, не укрылось от В.И. Курочкина: его перевод первых строк «Двойной охоты» — «В поле, охотник ретивый! Чу! Протрубили рога...» (П.-Ж. Беранже. *Сочинения*. Москва: ГИХЛ, 1957, стр.

94) перекликается с началом пушкинской поэмы — «Пора, пора! Рога трубят» (V, 3). Любопытно, что у русского переводчика звукоподражательный рефрен «Гром, тром», завершающий каждую строфу, построен на каламбурном созвучии слов *trompe* (охотничий рожок) и *tromper* (обманывать, изменять; ср. *maî trompé* — обманутый муж).

¹³Ср. с анекдотом из «Старой записной книжки» Вяземского: «На германских водах молодой француз ухаживает за пригоженькой русской барыней; казалось, и она не была совершенно равнодушна к заискиваниям его. Провинциальный муж ее не догадывался о том, что завязывалось перед его глазами. Приятель его был прозорливее: он часто уговаривал его, не теряя времени, уехать с женой в деревню и напоминал, что пришло уже время охотиться. Он прибавлял: „Пора, пора, рога трубят!“» — П.А.Вяземский. *Полное собрание сочинений*. Том VIII (С.-Петербург, 1883), стр. 432.

¹⁴И.И.Дмитриев. *Сочинения* (Москва: Правда, 1986), стр. 250 (<конец 1804–1805>). Отсылка к Дмитриеву в «Графе Нулине» отмечена, например, в работе: Г.Л.Гуменная, «„Граф Нулин“ и жанровые традиции», *Поиск смысла. Сборник статей участников международной научной конференции «Русская культура и мир» (Нижний Новгород, сентябрь 1993)* (Нижний Новгород: НГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1994), стр. 150–151.

¹⁵В.Л.Пушкин. *Стихотворения* (С.-Петербург: Гиперион, 2005), стр. 30. Революционное для стилиевой системы того времени появление слова «урьльник» в набросках поэмы также могло объясняться желанием подражать дядюшке: ср. «Picard на стол ему приносит Крафин, серебряный стакан, Щипцы с пружиною, урьльник» (V, 169) и «Но вот кривой лакей им кофе подает; Безносая стоит кухарка в душегрейке; Урьльник, самовар и чашки на скамейке» (В.Л.Пушкин. *Указ. соч.*, стр. 28).

¹⁶Заметим, что мотив «травли» приобретает дополнительные коннотации за счет каламбурного созвучия: французское *vener* (травить, охотиться с собаками) перекликается с *vénéner* (поклоняться, обожать) — семантическая аналогия, подразумеваемая в «Двойной охоте».

¹⁷Предполагается, что в середине 1820-х гг. Пушкин читал Шекспира во французских переводах П. Летурнера; далее ссылки даются на издание, которое имелось в библиотеке Пушкина: *Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. P., Traducteur de Lord Byron...* (Paris, 1821–1822). Римская цифра в описании обозначает номер тома, арабская — страницы.

¹⁸В соответствующем отрывке «Графа Нулина» ярко проявилась полиреферентность пушкинского текста: описание ночных приключений графа, сосредоточившее в себе большинство мотивных переключек с «Лукрецией», одновременно травестирировало драматическое описание пути Заремы в спальню Марии в «Бахчисарайском фонтане». Ср.: «Не спится графу — бес

не дремлет <...> Влюбленный граф в потемках бродит, <...> Едва дыханье переводит — Трепещет, если пол под ним Вдруг заскрыпит... вот он подходит К заветной двери и слегка Жмет ручку медную замка; Дверь тихо, тихо уступает.... Он смотрит: лампа чуть горит И бледно спальню освещает... Хозяйка мирно почивает Иль притворяется, что спит. Он входит, медлит, отступает — И вдруг упал к ее ногам... Она... Теперь, с их позволения, Прошу я петербургских дам Представить ужас пробужденья Натальи Павловны моей <...> Она, открыв глаза большие, Глядит на графа — наш герой Ей сыплет чувства выписные И дерзновенною рукой Коснуться хочет одеяла... Совсем смутив ее сначала... Но тут опомнилась она, И гнева гордого полна, А впрочем, может быть, и страха, Она Тарквинию с размаха Дает — пощечину» (V, 9–11) — и: «Все жены спят. Не спит одна. Едва дыша, встает она; Идет; рукою торопливой Открыла дверь; во тьме ночной Ступает легкою ногой... <...> Пред нею дверь; с недоуменьем Ее дрожащая рука Коснулась верного замка... Вошла, взирает с изумленьем... <...> Лампады свет уединенный, Кивот, печально озаренный, Пречистой девы кроткий лик <...> Пред ней покоилась княжна, И жаром девственного сна Ее ланиты оживлялись <...> Увы, Зарема, что стобой? <...> Невольно клонятся колени, И молит: «Сжался надо мной, Не отвергай моих молений!..» Ее слова, движенье, стон Прервали девы тихий сон. Княжна со страхом пред собою Младую незнакомку зрит; В смятенье, трепетной рукою Ее подьемля, говорит...» (IV, 163–165).

¹⁹См., например: Ю.Д. Левин. *Шекспир и русская литература XIX века* (Ленинград: Наука, 1988), стр. 50.

²⁰Основание думать, что Пушкин внимательно прочел эту трагедию Шекспира, дает сюжет рождения женой императора Сатурнина, царицей Таморой, черного младенца от мавра Аарона, ее тайного любовника; чтобы скрыть преступную связь, мавр подменяет черного ребенка — белым, но подмена раскрывается. В 1827–28 году Пушкин использует этот же сюжетный ход в «Арапе Петра Великого».

²¹Прочие «охотничьи» мотивы, связанные с образом графа: его сравнение с «чудным зверем», бегство от шпица и планируемая мужем травля, — представляют Нулина объектом охоты, а не ее агентом. Однако и здесь мы имеем дело с образом, у которого был не один источник. Впервые развернутое сравнение опытного любовника с котом, с небольшими изменениями вошедшее потом в «Графа Нулина», появилось в черновиках первой главы «Евгения Онегина»: «Так резвый баловень служанки Анбара страж усатый кот За мышью крадется с лежанки Протянется, идет, идет Полузажмурясь, [подступает] Свернется в ком хвостом играет Расширит когти хитрых лап И вдруг бедняжку цап-царап — Так хищный волк томясь от глада Выходит из глуши лесов И рыщет близ беспечных псов Вокруг неопытного стада Все

спит—и вдруг свирепый вор Ягненка мчит в дремучий бор» (VI, 225—226). Ю.М. Лотман указал в качестве возможного источника этого сравнения на образ из XII-ой песни «Орлеанской девственницы» Вольтера: “Ainsi qu’un chat, qui d’un regard avide Guette au passage une souris timide, Marchant tout doux, la terre ne sent pas L’impression de ses pieds délicats; Dès qu’il l’a vue, il a sauté sur elle...” -- Voltaire. *Oeuvres*. Т. 11 (Paris: Firmin-Didot frères, 1832), p. 202. См.: Ю.М.Лотман. *Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя*. Изд. 2-ое (Ленинград: «Просвещение», 1983), стр. 137 (благодарю И.А.Пильщикова, напомнившего мне об этом наблюдении Лотмана). Добавим, что сравнение удачливого любовника с волком, а его жертвы – с невинной овечкой также находит параллели в «Орлеанской девственнице» – см. песнь I, стихи 196—202; песнь X, стихи 142—159, песнь XI, стих 25.

The Real Life of Pierre Delalande

Studies in Russian and Comparative Literature
to Honor Alexander Dolinin

Edited by
David M. Bethea
Lazar Fleishman
Alexander Ospovat

PART 1

Stanford, 2007